

Оглавление

Глава 1. Стариk-моховик	3
Глава 2. Дама вне игры.....	9
Глава 3. На любовь закона нет	13
Глава 4. Лорд Питер штурмует клуб.....	31
Глава 5. Тупик	39
Глава 6. Возвращение в игру.....	52
Глава 7. Девятка бубен	68
Глава 8. Силовой метод	89
Глава 9. Игра по-крупному	108
Глава 10. Лорд Питер форсирует события	121
Глава 11. Лорд Питер идет с козыря	133
Глава 12. Лорд Питер в выигрыше	146
Глава 13. Снова блеф	156
Глава 14. Полный разгром	173
Глава 15. Тасуем и сдаем	184
Глава 16. Кадриль	198
Глава 17. Паркер делает ход.....	213
Глава 18. Фигурные карты	231
Глава 19. Игра с «болваном»	262
Глава 20. Анна Дорланд играет мизер	279
Глава 21. Лорд Питер ведет игру.....	294
Глава 22. Карты на стол!.....	307
Эпилог. Анализ игры, или Вскрытие показало	314

Глава 1

СТАРИК-МОХОВИК

— Эй, Уимзи, что вы, собственно, забыли в этом морге? — вопросил капитан Фентиман, отбрасывая «Ивнинг бэннер» с таким видом, словно избавился от обременительной обязанности.

— Я бы подобрал иное название, — любезно откликнулся Уимзи. — Ну, в крайнем случае, похоронное бюро. Вы только гляньте на мрамор. Только гляньте на меблировку. И на пальмы, и на нагую бронзовую девственницу в углу.

— Ага, и на покойничков тоже. В этом месте в голову так и лезет тот старый анекдот из «Панча»: да вы его знаете! «Официант, уберите лорда Как-Его-Там, он уже два дня как помер». Вы посмотрите на старика Ормсби: храпит, как гиппопотам. Посмотрите на моего почтенного дедулю: каждое утро в десять плетется сюда, занимает кресло у камина, разворачивает «Морнинг пост» и до вечера превращается в предмет обстановки. Вот ведь бедолага! Страшно подумать, что в один прекрасный день и я стану таким же. Право, лучше бы уж фрицы меня ухлопали заодно с остальными. Выжил — а ради чего? Что пить будете?

— Сухой мартини, — заказал Уимзи. — А вам? Два сухих мартини, Фред, будьте так добры. Бо-

дритесь, друг мой. Вся эта катафасия с Днем перемирия¹ действует вам на нервы, не так ли? Я, например, твердо убежден, что большинство из нас только порадовались бы возможности отмежеваться от этой общественной истерии, если бы треклятые газеты не поднимали шум до небес. Впрочем, нехорошо так говорить. Стоит мне чуточку повысить голос — тут-то меня из клуба и вышвырнут!

— Вас и так вышвырнут, даже к словам не прислушиваясь, — мрачно предрек Фентиман. — Так что вы все-таки здесь делаете?

— Жду полковника Марчбэнкса, — пояснил Уимзи. — Ну, за ваше здоровье!

— Вы с ним ужинаете?

— Да.

Фентиман сдержанно кивнул. Он знал, что Марчбэнкс-младший погиб в сражении на Высоте 60² и что полковник Марчбэнкс имел обыкновение в День перемирия приглашать близких друзей сына на скромный неофициальный ужин.

— Ничего не имею против старины Марчбэнкса, — проговорил он, помолчав. — Славный малый, что и говорить.

Уимзи наклонил голову в знак согласия.

¹ Имеется в виду День памяти павших (отмечается 11 ноября, в день подписания Компьенского перемирия, положившего конец Первой мировой войне). — Здесь и далее примеч. пер.

² Возвышенность в районе Звартелин в Зиллебеке к югу от Ипра (Бельгия), место ожесточенных боев в ходе Первой мировой войны (здесь, в частности, немцами были применены ядовитые газы — хлор, иприт); в настоящее время — военный мемориал.

— А у вас как дела? — полюбопытствовал он.

— Паршиво, как всегда. В брюхе сущая свистопляска, и в кармане ни пенни. Ну и на кой черт все это сдалось, а, Уимзи? Человек сражается за свою страну, сжигает себе нутро, наглотавшись газов, теряет работу, и все, что получает взамен — это привилегию раз в год промаршировать мимо Кено-тафа¹ да платить четыре шиллинга на фунт подоходного налога. С Шейлой тоже неладно: изводит себя работой, бедняжка. Слов нет, до чего мерзко: чтобы мужчина, да сидел на шее у жены! Да только я в себе не волен. Хворь разыграется — и прости-прощай, работа! Деньги... до войны я о деньгах и не задумывался, а вот сейчас, клянусь вам, пойду на любое преступление, глазом не моргнув, лишь бы обзавестись приличным доходом.

Возбужденный голос Фентимана сорвался на крик. До глубины души шокированный ветеран, до сих пор прятавшийся в соседнем кресле, выставил тощую голову на манер черепахи и по-гадюччи пропшипел: «Ш-ш-ш!»

— Я бы не рекомендовал, — беспечно бросил Уимзи. — Преступление — труд квалифицированный, знаете ли. Даже относительный болван вроде меня запросто выследит любителя-Мориарти. Если вы задумали нацепить фальшивые усы и шмякнуть по башке какого-нибудь там миллионера, так лучше не надо. Эта ваша отвратительная привычка докуривать сигарету до последнего миллиметра везде

¹ Главный британский памятник павшим в Первой мировой войне, воздвигнут в Лондоне на улице Уайтхолл в 1919 г.

vas выдаст. Мне останется только прийти с увеличительным стеклом и штангенциркулем, чтобы сказать: «Преступник — мой дорогой старый друг Джордж Фентиман. Арестуйте этого человека!» Возможно, вам в это слабо верится, но я, не колеблясь, принесу в жертву ближайших и дражайших, лишь бы подлизаться к полиции да угодить в газетную заметку.

Фентиман рассмеялся и загасил пресловутый окурок в ближайшей пепельнице.

— Странно, что кому-то еще приходит в голову искать вашего общества, — поддразнил он. В голове капитана уже не слышалось ни горечи, ни нервозности; он и впрямь заметно развеселился.

— Никто бы и не искал, — отозвался Уимзи, — просто люди думают, я слишком хорошо обеспечен, чтобы еще и мозги работали. Все равно как услышать, что граф Такой-То играет главную роль в новой пьесе. Каждый почитает само собою разумеющимся, что актер из него никакой. Я открою вам свою тайну. Все расследования выполняет за меня «негр» за три фунта в неделю, в то время как я любуюсь на свое имя в газетных заголовках да прохлаждаюсь со знаменитыми журналистами в «Савое».

— Занятный вы человек, Уимзи, — протянул Фентиман. — Остроумия вы напрочь лишены, зато вам присуща этакая нарочитая шутливость, что наводит на мысль о средней руки мюзик-холле.

— Это только самозашита первоклассного интеллекта от всевластия личности, — отмахнулся Уимзи. — Но послушайте, мне очень жаль, что с Шейлой неладно. Не считите за обиду, старина, но почему вы мне не позволите...

— Чертовски великодушно с вашей стороны, — отозвался Фентиман, — но мне бы не хотелось. Честное слово, у меня нет ни малейшего шанса с вами расплатиться, а я еще не дошел до предела...

— А вот и полковник Марчбэнкс, — прервал его Уимзи. — Договорим в другой раз, ладно? Добрый вечер, полковник.

— Приветствую вас, Питер. Приветствую, Фентиман. Славный денек выдался. Нет... никаких коктейлей, спасибо. Храню верность виски. Извините великодушно, что заставил вас дожидаться; но я задержался наверху поболтать с беднягой Грейндже-ром. Боюсь, ему совсем плохо. Между нами: Пенберти уверен, что бедняга и до весны не дотянет. Наш Пенберти — большая умница; право, стариk только его заботами и жив, с такими-то легкими! Ну, что ж... в конце концов, все там будем. Бог ты мой, Фентиман, да это же ваш дед! Еще одно из чудес Пенберти. Ему, небось, никак не меньше девяноста. Вы меня извините на минуточку? Пойду поговорю с ним.

Уимзи проводил взглядом бодрого старика, что пересек просторную курительную комнату, то и дело останавливаясь и обмениваясь приветствиями с членами клуба «Беллона». Перед огромным очагом высилось огромное кресло с завитушками в викторианском стиле. Пара тощих голеней да аккуратно застегнутые на пуговички туфли, возлежащие на табуреточке: вот и все, что открывалось взгляду от генерала Фентимана.

— Странно, не правда ли, — пробормотал его внук, — только представьте себе, что для нашего старика-моховика Крым и по сей день ассоциируется с *той самой войной*, а к началу разборок

с бурами он был уже слишком стар, чтобы воевать. Офицерский патент он получил в семнадцать, знаете ли, был ранен при Маджубе...

Фентиман умолк. Уимзи к собеседнику не прислушивался: он по-прежнему не сводил глаз с полковника Марчбэнкса.

Полковник возвратился к ним, ступая неслышно и четко. Уимзи поднялся ему навстречу.

— Послушайте, Питер, — проговорил полковник. Его добродушное лицо омрачилось тревогой. — Вы не подойдете сюда на минутку? Боюсь, произошло нечто крайне неприятное.

Фентиман оглянулся — и что-то в манере этих двоих заставило капитана встать и последовать за ними к огню.

Уимзи склонился над генералом Фентиманом и осторожно вытащил «Морнинг пост» из узловатых пальцев, стиснутых над тощей грудью. Он коснулся плеча, просунул руку под седую голову, склоненную на сторону. Полковник встревоженно наблюдал за ним. Затем мгновенным рывком Уимзи приподнял недвижное тело. Оно подалось целиком и сразу, окоченелое и застывшее, точно деревянная кукла.

Фентиман расхохотался. Горло его выбрировало: взрывы истерического смеха следовали один за другим. Беллонианцы, до глубины души шокированные неподобающим шумом, со скрипом поднимались на подагрические ноги, выбираясь из своих углов.

— Заберите его! — объявил Фентиман. — Заберите. Он вот уже два дня как помер! И вы тоже! И я! Все мы скончались, сами того не заметив!

Глава 2

ДАМА ВНЕ ИГРЫ

Трудно сказать, которое из событий явилось для старейших членов клуба «Беллона» более неприятным: гротескная смерть генерала Фентимана прямо-таки посреди зала или в высшей степени непристойный приступ неврастении у его внука. Не возмущались лишь те, что помоложе: они слишком много знали. Дик Чаллонер — в дружеском кругу известный как Чаллонер Луженое Пузико, благодаря тому, что обзавелся дополнительной запчастью после второй битвы при Сомме, — увел задыхающегося Фентимана в пустую библиотеку пропустить глоток-другой для подкрепления. Примчался секретарь клуба, в рубашке от парадного костюма и в брюках, на щеках его досыхала мыльная пенка. Один-единственный взгляд — и он отослал взволнованного официанта проверить, не ушел ли еще доктор Пенберти. Полковник Марчбэнкс благоговейно накрыл застывшее лицо огромным шелковым платком и тихонько отошел в сторону. Вдоль коврика перед камином рядом выстроились озабоченные, растерянные беллонианцы. С каждой минутой круг разрастался, пополняясь свежими поступлениями: новоприбывших вести застигали еще в холле. Из буфета подоспело еще несколько человек. «Что? Старина Фентиман? — восклицали они. — Боже, боже, что вы говорите! Вот бедолага! Верно, сердце не выдержало». И они тушили сигары и сигареты и оставались тут же: уходить никому не хотелось.

Доктор Пенберти как раз переодевался к праздничному ужину. Он поспешил сбежать вниз: застали его, собственно говоря, ровно в тот момент, когда он уже собирался уходить в ресторан: шелковый цилиндр сдвинут на затылок, плащ и кашне небрежно распахнуты на груди. То был худой, сумбурный человек с резкими манерами, отличающими офицера медицинской службы от эскулапа, практикующего в Уэст-Энде. Собравшиеся у огня расступились, пропуская его вперед: все, кроме Уимзи, который бесполезно мыкался у громадного кресла, беспомощно глядя на покойника.

Пенберти опытной рукой ощупал шею, запястья, коленные суставы.

— Умер несколько часов назад, — отрывисто бросил он. — Трупное окоченение вполне развилось — и уже сходит. — В качестве иллюстрации он качнул ногу покойного: нога свободно болтлась в колене. — Я этого ждал. Сердце никуда не годилось. Сдать могло в любой момент. Кто-нибудь сегодня с ним разговаривал?

Доктор Пенберти обвел комнату вопрошающим взглядом.

— Я его тут видел после ланча, — заявил один. — Но заговаривать не заговаривал.

— Я думал, он спит, — подхватил второй.

Никто так и не припомнил, чтобы сам беседовал с покойным. Все так привыкли видеть старика Фентимана мирно дремлющим у огня!

— Ладно, пустое, — махнул рукой доктор. — Сколько сейчас времени? Семь? — Он спешно подсчитал что-то в уме. — Скажем, пять часов на то, чтобы наступило трупное окоченение... похоже, развилось оно очень быстро... он, должно быть,

пришел в клуб в обычное время, уселся в кресло, да тут же и умер.

— Он всегда ходит пешком от Довер-стрит, — встярал преклонных лет беллонианец. — А я ведь говорил ему, что в его возрасте такие нагрузки противопоказаны! Да вы меня слышали, Ормсби.

— Да, да, несомненно, — подтвердил багроволицый Ормсби. — Боже мой, разумеется, бессспорно!

— Ну что ж, тут уже ничем не поможешь, — проговорил доктор. — Скончался во сне. Здесь найдется пустая спальня, куда бы его перенести, Кульер?

— Да, безусловно, — отозвался секретарь. — Джеймс, сбегай ко мне в офис за ключом от шестнадцатого номера да скажи, чтобы кровать приготовили. Я так полагаю... когда трупное окоченение сойдет, мы сможем... э, доктор?

— Ну, конечно, вы сможете сделать все, что полагается. Я пришлю нужных людей обрядить покойника. И надо бы известить родственников; только лучше им не приезжать до тех пор, пока мы не приведем его в пристойный вид.

— Капитан Фентиман уже знает, — возразил полковник Марчбэнкс. — А майор Фентиман остановился здесь же, в клубе; он вот-вот появится. Ка-жется, есть еще сестра...

— Да, старушка леди Дормер, — подтвердил Пенберти, — она живет тут поблизости, на Портмэн-сквер. Они вот уже много лет друг с другом не разговаривали. И все-таки, наверное, сообщить ей нужно.

— Я позвоню, — вызвался полковник. — Нельзя оставлять это дело на капитана Фентимана, беднягу сейчас лучше не трогать. Вы уж на него взгляни-